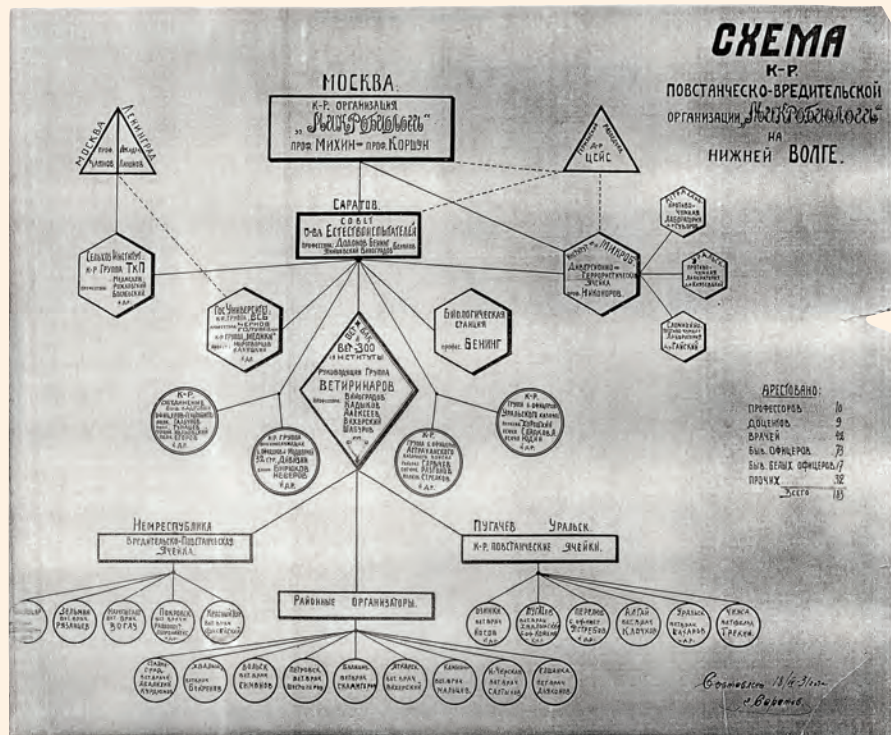

ТРУДНЫЕ ВРЕМЕНА

Андрей ГАНИН,
кандидат исторических наук

В ТЕНИ «ВЕСНЫ»

Бывшие офицеры под репрессиями начала 1930-х годов*

Постепенное расширение доступа к документам массовых репрессий 1930-х годов, хранящимся в архивах спецслужб, позволяет существенно уточнить представления о тех трагических для нашей страны событиях. Потенциальная угроза интервенции на рубеже 1930-х, рост недовольства населения на фоне раскулачивания, продовольственного и топливного кризиса, риск вооружённой поддержки крестьянства территориальными частями РККА, необходимость возложить на кого-то вину за проблемы развития страны для исключения массовых беспорядков привели партийное руководство к организации первой после Гражданской войны волны массовых политических репрессий. Репрессивные кампании начались уже в конце 1920-х: «Шахтинское дело» в 1928 году, дело «Союза освобождения Украины» — в 1929–1930-м, «Академическое дело», начавшееся в конце 1929 года. Это были первые пробы сил ОГПУ.

Схема организации. Архив УФСБ России по Саратовской обл. Публикуется впервые.

В те годы в среде «бывших» действительно шло некоторое брожение. Как показывал по делу «Весна» выпускник ускоренных курсов Николаевской военной академии Ю. И. Григорьев, «подспел процесс Промпартии. Военные руководители и преподаватели заговорили об интервенции. Высказывались различные мнения. Но основная масса военных руководителей верила в возможность и близость интервенции и что она вполне реальна. Близость интервенции обуславливалась изменением ориентировки Германии в сторону Запада»¹.

Наиболее крупным процессом в отношении военных в начале 1930-х годов было дело Всесоюзной военно-офицерской контрреволюционной организации, более известное как дело «Весна», по которому были арестованы тысячи людей, в том числе сотни бывших офицеров. Однако это дело было не единственным, по которому проходили офицеры старой

армии. Начались и другие репрессивные процессы, связанные с «Весной», но имевшие самостоятельный характер.

Одним из таких процессов стало дело «контрреволюционной вредительско-повстанческой организации микробиологов, ветеринаров и бывших офицеров» под кодовым наименованием «Микробиологи». По этому делу была арестована большая группа представителей интеллигенции. Дело охватило Москву, Ленинград, Киев, Минск, Одессу, Харьков, Алма-Ату, Нижний Новгород, Казань, Саратов, Астрахань, Уральск, Республику немцев Поволжья. В основном, речь шла о преследовании специалистов в области микробиологии. Аресты учёных начались в августе 1930 года, но по мере разрастания дела в него вовлекались и люди, далёкие от этой сферы. Тогда и пострадали служившие в учреждениях биологического и иного профиля бывшие офицеры.

Одним из центров, где аресты по делу микробиологов осуществлялись особенно активно, стал Саратов. Существовала определённая координация действий работников ОГПУ. В частности, украинские чекисты, курировавшие «Весну», направили своим саратовским коллегам список граждан, которые проживали в Саратове

и упоминались в показаниях фигурантов «Весны», однако бывших высокопоставленных офицеров в списке не было². Чекисты Нижне-Волжского края проявили собственную инициативу в арестах большой группы бывших офицеров.

18 апреля 1931 года была составлена схема, изображавшая сфабрикованную следствием структуру организации. Истоки организации были отнесены к 1924–1925 годам, а организационное оформление — к 1930-му. В рамках организации чекисты выделяли контрреволюционное объединение бывших кадровых офицеров с академическим образованием в составе сотрудника Приволжского геодезического управления бывшего полковника Н. М. Глазунова, военрука Саратовского государственного института сельского хозяйства и мелиорации бывшего подполковника В. А. Ивановского, а также не являвшихся генштабистами бывших полковников Н. В. Тумашева (сослуживец Глазунова, ранен рядом с ним в Первую мировую войну, в конце 1927 года познаником Глазунова и Ивановского, занимал должность заведующего военным кабинетом Саратовского государственного института сельского хозяйства и мелиорации) и Г. Н. Егорова.

*Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 14-31-01258а2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914–1922 гг.)». Выражаю благодарность сотруднику УФСБ России по Саратовской области В. Г. Пономарёву за содействие и к. и. н. А. А. Симонову (Саратов) за предоставленные сведения по истории саратовского гарнизона.

Помимо этого выделялись контрреволюционные группы бывших офицеров Астраханского (во главе с бывшим генералом В. С. Сарычевым) и Уральского (во главе с бывшим полковником П. И. Хорошкиным) казачьих войск. Контрреволюционные повстанческие ячейки выделялись и в ряде институтов и населённых пунктов. Координирующим органом, по версии следствия, являлся совет общества естествоиспытателей в Саратове, подчинившийся руководителям организации в Москве — директору московского ветеринарно-бактериологического института профессору Н. А. Михину и директору московского, а затем харьковского бактериологического института профессору С. В. Коршуну.

Подобная структура (периферия — центр) была типичной для фабриковавшихся чекистами многочисленных дел о контрреволюционных организациях. Однако, если учесть особенности менталитета дореволюционного кадрового офицера, эта структура представляется абсурдной. Офицеры не стали бы подчиняться в подпольной работе штатским профессорам, занимавшимся прививками. Кроме того, нет доказательств вредительской деятельности микробиологов, в первую очередь назначенного на роль главы организации выдающегося бактериолога Коршуна. Имел место государственный произвол и явное стремление чекистов отчитаться об успехах перед партийным руководством.

Инициатором процесса был сам И. В. Сталин, поэтому компрометирующие будущих руководителей «организации» материалы публиковались в центральной газете «Известия»³. Процесс курировал Особый отдел ОГПУ. Следствие продолжалось в период судебного процесса по делу «Промпартии» в ноябре–декабре 1930 года, что, несомненно, влияло как на поведение следователей, так и на подследственных. По мере раскручивания дела под каток репрессий попадали всё новые категории специалистов. С сентября 1930 года по этому и другим делам стали массово арестовывать бывших офицеров (в основном, преподавателей), а в декабре — ветеринарных врачей. Всего по делу были арестованы 183 человека, в том числе 10 профессоров, 9 доцентов, 42 врача, 73 бывших офицера, 17 бывших белых офицеров, 32 прочих⁴.

Арестованных бывших офицеров (Ивановского, Глазунова, Тумашева, М. З. Козырева) подозревали в подготовке плана захвата Саратова⁵. Необходимо сказать несколько слов о людях, судьбы которых будут в центре нашего внимания.

В. А. Ивановский родился в 1871 году в семье чиновника. Окончил реальное

В. А. Ивановский. Архив УФСБ России по Саратовской обл. Публикуется впервые.

училище в Тамбове (1899), Московское военное училище (1901) и Императорскую Николаевскую военную академию (1910). От советской власти он пострадал ещё в Гражданскую войну, когда провёл пять месяцев под арестом по делу о шпионаже. Тем не менее, есть все основания считать, что это был добросовестный военный специалист. Больше года он работал в штабе Западного фронта, служил в штабе Украинской трудовой армии, короткое время осенью 1920 года был вр.и.д. начальника штаба 13-й армии. После войны перешел на военнопедagogическую работу. Ивановский был вновь арестован 21 января 1931 года, по возвращении из командировки, прямо на вокзале⁶.

Якобы по замыслу Ивановского, для захвата города с мощным гарнизоном (5 полков⁷, а также Саратовская школа переподготовки командного состава запаса) и партийной организацией требовалось не менее 3000 человек при условии внезапности действий, однако реально можно было рассчитывать на 1000 человек, получив недостающее подкрепление от кулаков из окрестностей, недовольных коллективизацией. Оружие для первых столкновений предполагалось добыть в вузах (учебные винтовки, пулемёты, револьверы без патронов), а затем захватить армейские склады. К осени 1930 года работа по сколачиванию кадров для захвата города завершилась⁸.

Арестованные во всём признавались и калялись, их воля была сломлена. Ивановский на допросе 28 января 1931 года показал: «Я признаю, что до процесса «промышленной партии» имел буржуазную идеологию, идеалом которой был буржуазно-демократический строй по примеру западных государств. Я был убеждён, что пролетарская диктатура могла быть заменена указанным выше строем только путём интервенции западных держав и внутренних восстаний враждебных соввласти элементов сельского и городского населения, организованных б[ывшими] офицерами для этих восстаний во время интервенции. Отчёты о процессе «промышленной партии» на меня подействовали отрезвляющим образом. Тут я пересмотрел свои взгляды на интервенцию и пришёл к выводу, что интервенты несут стране кабалу и мне с ними не по пути, идеология же моя осталась и была до дня ареста буржуазной. Наличие у меня буржуазной идеологии заставляло меня искать сближения с людьми, одинаково со мною мыслящими»⁹.

По приезду в Саратов Ивановский познакомился с бывшим полковником Н. В. Тумашевым, а также с группой бывших офицеров и гражданских лиц, работавших в саратовских вузах. «Бывшие» вели между собой откровенные разговоры о положении в стране. Как показал Ивановский, «внутреннее и международное положение СССР в период 1929 и 1930 г. в наших разговорах анализировалось так: судя по газетным данным и по слухам, которые мне передавал Тумашев, за границей готовится интервенция, которую надо ожидать в ближайшее время. Внутри Союза коллективизация, ликвидация кулачества и недостатка товара и продовольствия создают (в документе — создаёт. — А. Г.) широкие кадры враждебных Соввласти элементов, которые во время интервенции проявят свою враждебность в форме восстаний: иностранные армии интервентов мы счита-

ли технически вооружённое РККА и были уверены, что последней было бы трудно отражать интервентов; недовольство крестьянства Соввластью, по нашим расчётам, должно было деморализующим образом действовать на красноармейцев и внушать им нежелание воевать за Соввласть. Высказывались мысли, что б[ывшие] офицеры, в частности, командиры запаса теперь, во время интервенции, будут изменять Соввласти. Вывод из этого анализа был таков, что в случае интервенции в ближайшее время свержение Соввласти и замена её буржуазно-демократическим строем возможны (в документе — возможна. — А. Г.)»¹⁰. Не эти ли причины, сформулированные бывшим офицером не то самостоятельно, не то под диктовку следователя, вызвали первую волну массовых репрессий в начале 1930-х годов? Для отражения потенциальной внешне- и внутривнутриполитической угрозы органы госбезопасности вернулись к практике упреждающего террора против нелояльных элементов, применявшейся ещё в Гражданскую войну.

На допросе 9 февраля 1931 года Ивановский отметил, что с 1928 года сблизился с группой контрреволюционно настроенных бывших кадровых офицеров¹¹, причём было решено концентрировать антисоветски настроенных бывших офицеров на военных должностях в вузах — «в качестве преподавателей военных дисциплин нами незаметно для общественности стягивались б[ывшие] кадровые офицеры одинаковой с нами идеологии»¹².

Глазунов, Тумашев и бывший штабс-капитан М. З. Козырев обвинялись в ведении антисоветской пропаганды. Глазунов якобы использовал для этого выезды на топографические съёмки. Бывшие офицеры имели связи в 32-й стрелковой дивизии (помощник начальника оперативной части штаба дивизии Стрелецкий, командир 94-го полка Кейрос), а также в школе переподготовки комсостава (бывший капитан Д. А. Курнаков). Военным приписывались тесные связи с профессорско-преподавательскими кругами в вузах Саратова (например, Ивановский был связан с профессором сельхозинститута Я. Я. Додоновым).

Дела военных в рамках процесса «Микробиологов» увязывались с делом «Весна». Так, чекисты подчеркивали контрреволюционную связь саратовской организации с Москвой через генштабистов. Ивановский контактировал со своим товарищем по старой академии, главным военным руководителем Москвы (руководителем кафедр военной подготовки гражданских вузов), бывшим генералом и гвардейским офицером В. Л. Барановским¹³, который, в свою очередь, являлся

В. Л. Барановский. Ведомственный архив Службы безопасности Украины.

фигурантом «Весны» (арестован 18 февраля 1931 года и содержался в Бутырской тюрьме).

Как показал 19 марта 1931-го Ивановский, «в 1930 г., когда я, будучи на конференции военруков, обратился к Барановскому как главруку Москвы с просьбой посодействовать мне в переводе в Москву, он на это ответил, что мне лучше оставаться работать в Саратове, что необходимо организовать бывших кадровых офицеров вокруг ВУЗов, установить связь с профессорско-преподавательским составом и с Красной армией, где среди комсостава может найтись подходящий материал и откуда, быть может, возможно будет даже получение оружия, при этом он указал, что московской организацией военруков указанная работа проводится успешно, что бывших кадровых офицеров имеется достаточное количество, но что работать в условиях Москвы гораздо труднее, т. к. здесь близко начальство, под наблюдением которого и приходится быть всё время... я со своей стороны сказал ему, что указанная им подготовка у нас в Саратове уже проводится»¹⁴. В реальность подобного разговора поверить сложно.

Барановский, в свою очередь, показывал 21 февраля 1931 года: «Лично я, возглавляя с 1926 года руководство всеми военными руководителями г. Москвы и пользуясь среди них значительным авторитетом, возглавил определённую группу лиц и поставил себя во главе такой контрреволюционной организации среди военных руководителей»¹⁵.

В период реабилитации жертв политических репрессий в 1956 году знавший Барановского Ю. И. Григорьев дал непредвзятые показания: «Из личных наблюдений у меня сложилось впечатление, что

в тот период имелся определённый круг лиц из числа военных руководителей, которому Барановский протезировал в служебной деятельности и в общении с которым он проявлял подчёркнутое отношение, выходящее за границы служебных взаимоотношений... я наблюдал, что они шептались иногда друг с другом и явно подчёркивали о наличии у них каких-то секретов. Конкретных фактов о существовании какой-либо группировки или организации, тем более контрреволюционного характера, я не имел. Однако, находясь под влиянием своего ареста, обстановки того времени, когда раздувался психоз о наличии каких-то контрреволюционных организаций и тому прочее, а также морального воздействия со стороны следователя, я невольно стал искать возможность наличия какой-либо контрреволюционной организации и среди военных руководителей, в большинстве своём состоявших из бывших офицеров царской армии... Ни от Барановского, ни от окружавших его лиц я никогда никаких проявлений антисоветского характера не замечал. Наличие же разговоров на отдельные тяготы жизни и высказывавшиеся при этом недовольства, в частности, по поводу производившихся арестов среди бывших офицеров царской армии, не дают мне никакого основания утверждать о наличии среди бывших военруков ВУЗов какой-либо контрреволюционной группировки или организации»¹⁶. Таким образом, странное поведение круга Барановского могло казаться подозрительным даже непредвзятому наблюдателю.

Григорьев вместе с тем отметил, что «среди военруков действительно велись разговоры о слабой подготовленности Красной армии и выражалась мысль о возможном её поражении в предстоящей войне. Эти разговоры порождались условиями, в которые были поставлены военные специалисты царского времени, в связи с тем, что они были устранены от непосредственного руководства Красной армией, и значительная их часть была низведена до положения военруков гражданских ВУЗов. В определённых вопросах организации и оснащения Красной армии многие военруки усматривали неправильный подход в строительстве вооружённых сил. Однако эти разговоры никак нельзя расценивать как разговоры контрреволюционного характера, а результат недовольства массы военруков своим служебным положением и их недооценка. Значительная часть этих критических высказываний нашла своё подтверждение в период Отечественной войны, однако в 1931 году на следствии этим разговорам был придан антисоветский характер»¹⁷.

Выпуск 1-х Саратовских советских командных курсов 1 января 1919 г. Сидят слева направо: В. К. Триандафиллов (первый), И. П. Грейсман-Павловский (пятый), П. П. Климовский (восьмой), Н. М. Глазунов (девятый). Военно-исторический музей регионального учебного центра ракетных войск и артиллерии Вооружённых Сил РФ (Саратов).

В показаниях Ивановского (очевидно, с подачи следователей) указано, что «намечены связи с к[онтр]р[еволюционными] офицерскими объединениями на Украине и по линии Тумашева — Егорова — Москва — о последнем только предполагаю. Связь с украинским офицерским объединением имел я и, допускаю, полковник Глазунов через полковника Стадлера, появившегося в Саратове в 1928 году.

Лично я был связан с б[ывшим] генералом Ольдерогге¹⁸, самой крупной фигурой среди кадрового офицерства на Украине. Встречи мои с Ольдерогге и связь с ним установились (в документе — установилась. — А. Г.) с 1922 г., когда я служил в его подчинении как нач[альник] Житомирских комкурсов. Последние мои встречи с ним относятся к 1927, 1928 г. и 1930 году. Из близких Ольдерогге офицеров я знаю следующих: Карун¹⁹, чин не помню, офицер Сумбатов (кажется, подполковник), Казаков — полковник Генштаба, Попов — б. гвардейский офицер (б. нач. штаба XIV стр. корпуса в Киеве), муж дочери Ольдерогге (фамилию его не помню), Стадлер — б. полковник.

Ольдерогге и весь его круг были резко враждебны Соввласти. Ольдерогге в 1928 г. во время нашего совместного пребывания в Кисловодске указывал мне на необходимость объединения б. кадровых офицеров, что и он сам всё время осуществляет (будучи главруком Киева, он имел широкие для этого возможности). Я лично

точно не помню, ставил ли он мне тогда вопрос о создании организации на Поволжье, возможно, что такой разговор и имел место, но пока я его не могу восстановить в памяти. Однако одно ясно для меня, что влияние Ольдерогге на меня и его разговоры со мной имели свое отражение на моей к[онтр]р[еволюционной] деятельности в Саратове²⁰. Б. К. Стадлера Ивановский знал по военному училищу и академии: «Встретился с ним после Гражданской войны в 1923 г. в гор. Киеве, он тогда устроил меня на несколько дней к себе на квартиру. Тогда я и узнал, что он служил у белых в каком-то штабе и что у белых ему протежировал генерал Кусонский. Впоследствии мне пришлось слышать от Ольдерогге, что Стадлер арестован ОГПУ (это было, кажется, в 1927 г.) и, наконец, в 1928 г. весной его я встретил на улице в Саратове, пригласил к себе. Он мне рассказал о своих мытарствах за это время и что сейчас работает в Немреспублике топографом. Он просил меня устроить его преподавателем ВУЗа, я направил его к Шестакову. Впоследствии я его больше не встречал, но знал, что он сблизился с Глазуновым»²¹.

19 марта 1931 года Ивановский отмечал, пересказывая свой разговор с про-

фессором сельхозинститута Додоновым, что в большинстве своём бывшие офицеры в РККА «занимают ответственные должности и что часть бывших офицеров уже организована (в документе — организовала. — А. Г.) и таковые организации, по слухам, имеются в Москве, Киеве и, вероятно, есть в других городах Союза, что и в Саратове также существует организация бывших кадровых офицеров и необходимо только координировать совместную работу офицеров с интеллигенцией, в частности, с профессурой. Последняя должна содействовать подготовке успеха восстаний путём вредительства и организации повстанческих ячеек на местах, в районах, куда они выезжают»²².

Как и по делу «Весна», первоначально арестованные давали достаточно объективные автобиографические показания, представляющие бесценный источник данных о настроениях офицерства в послереволюционный период. Показания затем перепечатывались на машинке. Лишь по мере раскручивания дела следователи добивались нужных им свидетельств о вымышленной антисоветской работе конца 1920-х — начала 1930-х годов (за три — четыре года до ареста).

Н. М. Глазунов родился в Аккермане Бессарабской губернии в семье оберофицера. Он окончил Киевский кадетский корпус, Александровское военное училище, а в 1899 году академию, однако к Генеральному штабу причислен не

был (из-за неприятностей с профессором А. З. Мышлаевским). Глазунов был военным топографом. До 1905 года он преподавал в Казанском пехотном юнкерском училище, затем командовал ротой в Перми, потом батальоном и полком в Саратове и на фронте, руководил штабом дивизии до 1918 года.

В подробной и объективной автобиографии, составленной в день ареста, 19 октября 1930 года, Глазунов писал о своей жизни после 1917 года: «Февральская революция застала в должности начштадива²³. Как и большинство офицеров, приветствовал падение царского режима, престиж которого пал не только в стране, но и в армии. Политический горизонт офицерства был не широкий, а потому сам не разбираюсь в политико-экономической программе Врем[енного] правительства. Приказано было продолжать войну, и мы участвовали в неудачном июльском наступлении 1917 г. Октябрьский переворот прошёл у меня в штабе гладко, я оставался выборным нач[альником] шт[аба] дивизии. В январе 18-го года я был уволен в отпуск в Саратов, а в феврале последовала демобилизация старой армии. В марте мес[яце] я записался и был принят в Союз землемеров, а в апреле 18-го года был принят на должность в лесозаготовительный отдел губ. Совнархоза²⁴. На этой должности оставался до августа 18-го года, когда вместе со всеми бывшими офицерами Саратова был арестован²⁵. В сентябре по выходе из-под ареста был призван по мобилизации бывших офицеров и назначен на должность н[ачальни]ка учебной части Саратовских пех. курсов комсостава. В ноябре 1919 г. был арестован Особым отделом Запасной армии по обвинению в саботаже. Следствием это обвинение не подтвердилось, и через 10 дней я был освобождён. По моей просьбе был освобождён от должности нач[альника] уч[ебной] части и оставлен преподавателем, а затем переведён на ту же должность из пехоты на арт[иллерийские] курсы. На этой должности оставался до марта 1923 года, по расформировании арт. курсов был демобилизован с зачислением в комсостав запаса. Без перерыва в службе поступил на службу в Приволжский геодезический округ на должность топографа, на каковой должности состою до настоящего времени»²⁶. Интересно, что Глазунов находился в Саратове и в мае 1918 года, когда 16–18 мая, по причине нежелания анархически настроенных красноармейцев идти на фронт против уральских казаков, произошло восстание частей формировавшейся 1-й Саратовской дивизии, однако Глазунов «вместе с другими служащими (губсовнархоза. — А. Г.) осуждал это выступле-

ние как мешающее начавшемуся мирному устройству страны»²⁷. О своей работе на пехотных курсах Глазунов рассказывал с гордостью, даже в тех показаниях, в которых оговаривал себя. Так, 15 ноября 1930 года он показал: «На мне лежала обязанность сформировать и направить учебную часть курсов. С этой задачей я справился: приезжавшая из Москвы инспекция нашла состояние учебной части удовлетворительным. Лекциями моими курсанты были довольны»²⁸.

Своё политическое кредо Глазунов в автобиографии изложил так: «В автобиографии я упомянул о своей политической неподготовленности в начале революции. Октябрьский переворот, конечно, нанёс моральный удар офицерству, но в течение 12-летней непрерывной службы я с этим примирился, привык к советскому режиму и до настоящего времени оставался в массе лояльных беспартийных. В настоящее время к массе беспартийных предъявлены особые требования. Партия и правительство не примиряются только лояльностью; они требуют революционной заинтересованности и революционных темпов в работе, ввиду моего возраста 60 лет, пошатнувшегося здоровья и к концу моей служебно-общественной работы, мне не по плечу проявлять и то, и другое, всё же я стараюсь применяться к новым требованиям и идти в ногу с новым строительством»²⁹.

Уже в ноябре 1930 года Глазунов стал давать совсем иные, прямо противоположные, наивные и самообличительные показания о том, что является «идеологически чуждым Соввласти по своему воспитанию... с самого начала революции и до настоящего момента своей идеологии

не изменил, почему существующий строй мне оставался чужд и враждебен... я приветствовал каждую неудачу в том или ином мероприятии Соввласти и всякое достижение мне было неприятно и нежелательно по причине, что они (достижения, удача) приводили к укреплению страны, а вместе с этим и власти... При своей идеологии и ненависти к Соввласти я неоднократно задумывался о противодействии ей теми или иными путями... Я мыслил себе создать организацию из лиц, преданных нашей идее, [будь] то офицерство или кто-либо другой... застигнутый революцией врасплох, будучи в г. Саратове, я, не желая мириться с вновь народившимся строем, имел тенденцию уйти за границу. Этот переход я мыслил осуществить 1-м из 2-х намечаемых путей, или при захвате белыми г. Саратова я примкну к ним, или перейти через линию фронта. Так как первого не случилось, а второго осуществить не представлялось возможным, у меня впоследствии в силу моих убеждений и являлись мысли о противодействии Соввласти. Но практически этих мыслей я не осуществлял... В общем итоге, не придя ни к какому результату по созданию мыслимой мною организации, я возлагал надежды на гибель существующего строя через интервенцию»³⁰.

Показания коснулись и прежних сослуживцев Глазунова (он дал показания на 14 человек, служивших на 1-х Саратовских советских командных курсах): «Все указанные офицеры были одной идеологии, враждебной советскому правительству, за исключением Вакулича³¹, вступившего в партию. С большинством указанных офицеров мне приходилось вести разговор на политические темы, как в здании [саратовских] курсов, так и при случайных встречах на улице. Разговоры эти имели враждебный правительству характер»

Следственный отдел полномочного представительства ОГПУ Нижне-Волжского края.

Саратовские чекисты. 1929 г. Саратовский областной краеведческий музей. Публикуется впервые.

(показания от 15 ноября 1930 года)³². Впрочем, отмечал он и то, что «все эти бывшие офицеры исполняли свои обязанности преподавателей очень старательно, по крайней мере никому из них не было объявлено не только выговоров, но даже замечаний»³³.

О службе с июня 1922 по март 1923 года на 6-х Саратовских артиллерийских курсах Глазунов упоминал глухо, назвав пятерых сослуживцев, но не дав на них никаких показаний. Дальнейшая его служба проходила в Казани, в Приволжском геодезическом управлении (Глазунов писал, что его полевые работы были признаны удовлетворительными³⁴), из саратовских сослуживцев связь он поддерживал только с Тумашевым и Курнаковым.

Постепенно характеристики ужесточались. Источники позволяют проследить логику расследования и направленность фальсификации показаний следователями. 28 ноября о сослуживцах по курсам Глазунов показал: «Бывшие офицеры, которые там служили и фамилии которых я перечислял раньше, представляли из себя группу, объединённую единой антисоветской идеологией. У всех было желание, чтобы белые имели успех, взяли Саратов, и тогда они, бывшие офицеры, к ним присоединятся. Политика того времени к этому только и сводилась. В отношении исполнения служебных обязанностей работали по столько, чтобы к нам нельзя было придаться. Эти мысли и настроения выражались при встречах друг с другом и при случайных сборищах группами. Таким образом, бывшие офицеры Сар[атовских] командных курсов, хотя и не представляли из себя организации, но представляли из себя кадр, всегда готовый выступить враждебно против Соввласти»³⁵.

Как и фигуранты «Весны», арестованные по делу микробиологов офицеры признавались в редких (от одного до нескольких раз в год) встречах второй половины 1920-х годов с прежними товарищами во внеслужебное время (показания Глазунова): «Все женатые были со своими жёнами. Политическая идеология присутствующих была антисоветская, т. к. можно было слышать громкую беседу за столом двух соседей, беседу на политические темы в антисоветском духе. Иногда кто-нибудь громко расскажет анекдот в том же духе и т. п. Никогда не слышал, чтобы кто-нибудь один громко сказал длинную политическую речь. Политические разговоры носили летучий характер»³⁶.

Встречи происходили на квартирах у Тумашева, Курнакова и Глазунова. В них участвовали, помимо хозяев, Ивановский, Егоров, Козырев и другие. Тумашев и Глазунов также встречались за шахматами. Преувеличивать бытовательское значение подобных разговоров не стоит. Если 15 ноября Глазунов просто свидетельствовал об антисоветской направленности встреч, то 28 ноября уже признался в том, что «эти вечеринки представляли из себя нелегальные собрания, как бы эскиз организации. Достаточно было благоприятной обстановки, чтобы организация создалась»³⁷. На волне недовольства крестьян сплошной коллективизацией, а горожан всеобщим дефицитом в 1929 году соответствующие условия возникли. Свержение власти было возможно, с точки зрения подследственных, лишь в случае иностранной интервенции в сочетании с внутренними выступлениями, возглавленными бывшими офицерами³⁸. Интервенцию ожидали весной 1930 года³⁹. Тем не менее Глазунов признался только во

враждебных разговорах и настроениях. Лишь в показаниях от 5 февраля 1931 года он уже свидетельствовал о том, что подпольная организация была создана⁴⁰.

В январе 1931-го в целях расширения военной составляющей дела следователи получили от Глазунова показания на ещё одного выпускника академии, бывшего полковника Б. К. Стадлера, служившего в Гражданскую войну у украинцев и белых, а осенью 1920 года сдавшегося частям РККА в Севастополе. Якобы в конце 1928-го Стадлер обратился к сыну Глазунова Алексею, с которым работал, чтобы Глазунов-старший прочитал ему ряд лекций по мензуральной съемке.

Глазунов свидетельствовал, что «при первом же знакомстве Стадлер отрекомендовался мне окончившим академию Генштаба, в подтверждение этого рассказывал бытовые данные из жизни академии. Наличие своей контрреволюционной идеологии Стадлер выявил рядом фраз при первом же знакомстве. Помимо платы, которую я должен был получать со Стадлера за учение, меня Стадлер интересовал как б. офицер Генерального штаба, могущий иметь одинаковые со мною контрреволюционные тенденции, и поэтому я охотно пошел на углубление знакомства со Стадлером.

Занятия мои со Стадлером были часа полтора каждое, после занятий мы каждый раз минут по 30 уделяли разговорам на политические темы, во время которых выявили наличие у обоих одинаковых контрреволюционных целеустремлений. Осью наших разговоров было обсуждение перспектив свержения Соввласти. Во время этих бесед Стадлер выявил себя очень экспансивным в своих контрреволюционных стремлениях человеком. Занятия со Стадлером возбудили во мне подозрение, что незнание им многих элементарных знаний, изучавшихся в академии Генштаба, говорит за то, что Стадлер не является генштабистом. Поэтому я своё сомнение высказал Вл. А. Ивановскому, на которого Стадлер указывал как на сокурсника по академии. Ивановский отозвался о Стадлере как об учившемся вместе с ним, но не окончившим академию вследствие слабости знаний по топографической съемке... Стадлер старался выставить себя как значительную военную величину, имеющую широкие связи среди б[ывшего] кадрового офицерства и пользующегося среди такового авторитетом. Стадлер при этом проявлял действительно широкую осведомленность о настоящем, т. е. послереволюционном

быте б. офицерства и его настроениях. Осведомлённость эту он проявлял главным образом об Украине, в частности, г. Киеве, где он, по его словам, командовал военной школой... Стадлер рассказывал о наличии контрреволюционных тенденций в среде б. офицерства на Украине. Характеризуя настроения этого офицерства, Стадлер указывал, что он с Украины недавно и сведения его свежие и формулируют их так, что б. офицеры готовы при наличии благоприятных условий начать вооружённую борьбу против Соввласти, а пока выявляют своих единомышленников, чтобы на них в этот благоприятный момент опереться... Стадлер меня спрашивал о настроениях офицеров в Саратове вообще. Настроение известных мне офицеров мною было охарактеризовано враждебным Соввласти... Было заметно, что моя информация подействовала на Стадлера ободряющим образом. Сведения, полученные от Стадлера о к[онтр]р[еволюционной] деятельности офицерства на Украине, отразились на мне открывающим образом. Мы тут ещё обменялись мнением, что мы не являемся единственными в своих устремлениях, что в других частях СССР также есть группы офицерства, подготовляющего вооружённую борьбу с Соввластью и что эта борьба при условии интервенции должна окончиться успехом⁴¹. У офицеров нашлись общие знакомые среди белой эмиграции — генералы А. И. Деникин, А. С. Лукомский, К. Ф. Щедрин, В. Н. Энгель. Решено было вести подбор кадров, не создавая из соображений конспирации широкой организации (не выходить за пределы круга бывших, прежде всего кадровых, офицеров, вербовать только знакомых). Сам

Стадлер якобы занялся вербовкой людей в республике немцев Поволжья, а Глазунов — в саратовском гарнизоне.

К апрелю 1931 года следствие по делу завершилось по всему СССР. Обвинительное заключение в отношении саратовской группы датировано 17 апреля⁴². Далее дело было отправлено для внесудебного разбирательства в Коллегию ОГПУ по Нижне-Волжскому краю. Тем временем в Москве 30 мая 1931 года прошло судебное заседание Коллегии ОГПУ по делу центральной группы «микробиологов». Руководящая группа была приговорена к расстрелам с заменой их на 10 лет лагерей. По предположению некоторых авторов, следствие было способом давления на профессуру для её вовлечения в работу по созданию бактериологического оружия⁴³. Действительно, ряд осуждённых попали для отбывания наказания в Суздаль, в Покровский монастырь, где было организовано Бюро особого назначения по разработке такого оружия. Так произошло в те годы укрепление властной вертикали в научной и околонучной среде.

Старые офицеры не были нужны для работы в «шарашках», поэтому судьбы части из них сложились трагичнее. Ивановский 30 апреля 1931 года коллегией ОГПУ был приговорён к высшей мере наказания. Его товарищ, фигурант «Весны», бывший генерал Барановский, осуждённый на десять лет лагерей, умер в сентябре 1931 года в Сиблаге ОГПУ (Мариинск). Глазунову расстрел был заменён 10 годами лагерей, считая со дня ареста 18 октября 1930 года⁴⁴. Весь срок Глазунову отбыть не довелось, 19 декабря 1937-го он был арестован УНКВД по Карагандинской области и 11 февраля 1938 года приговорён

к расстрелу⁴⁵. Впоследствии реабилитирован по каждому из дел. Один из ключевых фигурантов дела, герой Первой мировой, кавалер Георгиевского оружия Н. В. Тума-шев, в самом конце 1930 года был отправлен в Москву, в Бутырскую тюрьму и впоследствии повесился в тюремной камере.

Уже 23 июня 1931 года на совещании хозяйственников Сталин провозгласил новый курс в отношении старых специалистов, так как «период разгара вредительства» завершился и старая интеллигенция повернулась в сторону советской власти. Новой задачей становилось привлечение этих кадров⁴⁶. Первая волна террора пошла на спад. Тем не менее отдельные, пусть и не столь масштабные, как «Весна», репрессивные процессы продолжались.

И дело «Весна», и дела бывших офицеров в рамках «микробиологов» оказались более кровавыми, чем процессы в отношении гражданской интеллигенции. Все эти процессы были актами превентивного террора, призванными зачистить советское общество от потенциально нелояльных элементов, от недовольных «бывших», прекрасно помнивших своё высокое и благополучное дореволюционное положение⁴⁷, превратить каждого в послушный винтик беспощадной административно-командной системы. В значительной степени эта цель была достигнута. Однако результатом стало не только укрепление вертикали власти, но и гибель многих крупных специалистов в самых разных областях, патриотов и государственников, резкое снижение интеллектуального потенциала общества, распространение атмосферы страха, апатии и сервильности.

Примечания

1. Ведомственный архив Службы безопасности Украины (ГАСБУ). Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 79 (101). Л. 246.
2. По делу «Весна» в Саратове проходили только механик Н. А. Нечаев, заведующий отделом кооперативов в Самаре В. Г. Горелов, бывший офицер А. М. Ломака, инженер А. Г. Ионов, ректор Саратовского университета профессор С. Р. Миротворцов, Н. С. Неженцева, аптекарь Мовшович, профессор С. М. Никаноров, ветврач в Самаре Чернов (ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 7. Л. 175). По крайней мере, Никаноров был фигурантом дела микробиологов.
3. Подробнее см.: Чельный А. А. Микробиолог Степан Васильевич Коршун: судьба учёного и «дело микробиологов». М. 2010. С. 130–133.
4. Архив УФСБ России по Саратовской области. Д. 0Ф-18707. Т. 1. Ч. 1. Л. 1.
5. Там же. Т. 10. Л. 38.
6. Там же. Т. 1. Ч. 1. Л. 188 об.
7. Речь идет, прежде всего, о 32-й Саратовской стрелковой дивизии (территориальной; дивизией командовал В. И. Резцов) в составе 94-го Крестьянского Краснознаменного стрелкового им. М. В. Фрунзе полка, 95-го Волжского стрелкового полка, 96-го Ленинградского стрелкового им. АССР Немцев Поволжья

- полка и 32-го артиллерийского полка (сведения предоставлены А. А. Симоновым). Кроме того, в период коллективизации 34-й Саратовский отдельный дивизион войск ОГПУ был развернут в 7-й Саратовский полк войск ОГПУ.
8. Архив УФСБ России по Саратовской области. Д. 0Ф-18707. Т. 10. Л. 41.
9. Там же. Л. 7.
10. Там же.
11. Там же. Л. 13.
12. Там же. Л. 14.
13. Там же. Л. 31.
14. Там же. Л. 31–32.
15. ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 79 (101). Л. 33.
16. Там же. Л. 250–251.
17. Там же. Л. 252.
18. Фон Ольдерогге Владимир Александрович (24.07.1873–27.05.1931) — Генерального штаба генерал-майор. Военный специалист РККА. Расстрелян по делу «Весна».
19. Правильно — Карум Леонид Сергеевич (1888–1968) — бывший капитан, муж сестры М. А. Булгакова, прототип Тальберга в романе «Белая гвардия». Подробнее см.: Справа «Всесоюзной войсково-офицерской контрреволюционной организации (справа «Весна», 1930–1931 гг.) за документами Державного архиву Службы безпеки

- України»/3 архівів ВУЧК—ГПУ—НКВД—КГБ (Київ). 2002. № 1 (18). С. 117–118.
20. Архив УФСБ России по Саратовской области. Д. 0Ф-18707. Т. 10. Л. 15–16.
21. Там же.
22. Там же. Л. 30.
23. Начальника штаба 53-й пехотной дивизии.
24. Предположительно Глазунов занимался геодезической съёмкой для подготовки вырубке леса. Вырубкой ведало квартирное отделение Саратовского губернского военного отдела (с 1 июня 1918 г. — военный комиссариат). В отделе значились 27 техников, среди которых, вероятно, был и Глазунов (сведения предоставлены А. А. Симоновым).
25. Аресты 370 бывших офицеров, не служивших в РККА, прошли в Саратове 18 августа 1918 г. (сведения предоставлены А. А. Симоновым).
26. Архив УФСБ России по Саратовской области. Д. 0Ф-18707. Т. 10. Л. 45.
27. Уточнено по рукописному оригиналу (Там же. Л. 43–43 об.)
27. Там же. Л. 47.
28. Там же. Л. 57.
29. Там же. Л. 45.
30. Там же. Л. 53–54.
31. Вакулич Павел Иванович (1890–1937) — бывший подполковник. Впоследствии начальник кафедры

- тактики высших соединений академии Генерального штаба РККА. Комдив. Расстрелян (подробнее см.: Черушев Н. С., Черушев Ю. Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные): 1937–1941. Биографический словарь. М. 2012. С. 194–195).
32. Архив УФСБ России по Саратовской области. Д. 0Ф-18707. Т. 10. Л. 57.
33. Там же.
34. Там же. Л. 58.
35. Там же. Л. 61.
36. Там же. Л. 58.
37. Там же. Л. 61.
38. Там же. Л. 81.
39. Там же. Л. 91.
40. Там же. Л. 84–85.
41. Там же. Л. 80–82.
42. Там же. Т. 15.
43. Чельный А. А. Указ. соч. С. 162.
44. Архив УФСБ России по Саратовской области. Д. 0Ф-18707. Т. 1. Ч. 1. Л. 319.
45. Жертвы политического террора в СССР. Компакт-диск. Изд. 4-е. М. 2007.
46. Сталин И. В. Соч. Т. 13. М. 1951. С. 69–73.
47. Об удручающих советских реалиях быта бывших генштабистов см.: Ганин А. Генштабисты в коммуналах. Советская повседневность старой военной элиты// Родина. 2013. № 8. С. 152–155.